

ОБ ОБЩНОСТИ ТЕХНИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Федяев Д.М.¹

¹ ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, Омск, Россия (644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14), e-mail: fedyayev@omgpu.ru

Исследован один из аспектов, общих для технического и художественного познания: трансформация научных абстракций в процессе создания технического средства и художественного произведения. Высшей формой научного знания является теория, оперирующая идеализированными объектами. Техника и искусство (в статье приводится литературный материал) проходят путь от научных абстракций к конкретике технического средства и литературного произведения, причем, их конкретика сохраняет всеобщность, присущую научным идеям. В этом процессе происходит не только изменение формы знания, но и приращение его содержания. Научное понятие является результатом схематизации (в кантовском смысле термина) тех или иных процессов или жизненных коллизий. Их трансформация в вещь или произведение требует новой схемы, отличной от того варианта, который привел к их появлению. Конкретика, достигнутая техническим и художественным познанием, позволяет соотносить знание с чувственно данной действительностью, то есть завершить процесс поиска истины и ее верификации.

Ключевые слова: техническое познание, художественное познание, идеальный объект, истина

ABOUT THE SIMILARITY BETWEEN TECHNICAL UNDERSTANDING AND ARTISTIC COGNITION

Fedyayev D.M.

FSBEI HPE "Omsk State Pedagogical University" Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk, Russia (644099 Omsk, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo), e-mail: fedyayev@omgpu.ru

One of the aspects common to technical understanding and artistic cognition such as transformation of scientific abstractions in the process of creating technical means and artistic works is investigated. The highest form of the scientific knowledge is a theory operating on idealized objects. Technology and arts (literary material is represented in the article) develop from scientific abstractions into specifics of technical means and literary work, provided that their specifics retain generality which is typical for scientific ideas. Not only changing of the form of knowledge but also increasing of its content take place in this process. The scientific concept is a result of the schematization (according to Kant's meaning of the term) of different processes or life collisions. Their transformation into a thing or work requires a new scheme which is different from the variant that lead to their appearance. The specifics achieved by technical understanding and artistic cognition allows referring knowledge to sensually given reality, thus finishing the process of looking for the Truth and its verification.

Keywords: technical understanding, artistic cognition, ideal object, the Truth.

Согласно М. Хайдеггеру, наука «присущим только ей образом подчеркнута и деловито дает первое и последнее слово исключительно самому предмету. В такой деловитости научного исследования, определения, обоснования происходит своеобразно ограниченное подчинение науки самому по себе сущему, направленное на то, чтобы раскрытие последнего шло от него же самого» [6, с.32]. Да, от него самого, но в какой форме представляет наука это само по себе сущее? Высшей формой научного знания считается, как известно, теория, которая буквально применима к идеальному (идеализированному, абстрактному и т.п. - в названиях возможны варианты) объекту, которого реально не существует. Между тем, мир состоит из реальных объектов, которые непосредственно даны человеку в чувственной форме. Поэтому соотношение теории с фрагментом реального мира, из которого она «вытянула» свою абстрактность, строго говоря, невозможно.

Следовательно, вопрос об истинности или ложности теоретического знания остается открытым, а наука не доходит до формы выражения истины, доступной верификации. Постараемся показать, что оставшуюся часть пути проходят техника и искусство. Искусство будет представлено художественной литературой.

Вспомним, что древнегреческое «технэ» означало умение, искусство, мастерство. В их нынешнем состоянии они тоже обладают некоторыми существенными общими признаками. Перечислим их, предваряя дальнейшее. Во-первых, имеется определенное сходство в процессе целеполагания в обеих областях. Во-вторых, обе сферы деятельности способны к преобразованию теоретических абстракций в чувственную форму, которая может быть соотнесена с реалиями наличного бытия. В-третьих, в ходе преобразования знание обогащается новым содержанием. Поэтому можно говорить о техническом и художественном *познании*. В-четвертых, познание (тем более – в форме преобразования абстракций) не является для них самоцелью. Оно является средством достижения собственных целей.

Познание не является задачей инженера-проектировщика. Он создает новое техническое средство, а исходным пунктом, с которого начинается его деятельность, является техническое задание. Почему оно появляется именно таким, не вполне ясный вопрос. Первый возможный ответ: оно детерминировано факторами природной среды, в которой предполагается функционирование будущего технического средства. Но природная среда способна «задать» только некое общее направление, а не единичное задание. Тем не менее, в некоторых областях техники природные факторы существенны. Например, требуемая мощность системы отопления явно зависят от климата. Второй вариант ответа: задание определяется потребностями общества, социальным заказом. Да, общество нечто заказывает, причем, нередко от имени властных структур. Но оно не способно задать конкретную техническую форму. Общество может хотеть иметь «больше и лучше», получать прибыль и др., но не может захотеть телевизора, персонального компьютера, сотового телефона, пока они не изобретены и не предложены техносферой.

Наконец, третий вариант: задание определяет обычная логика обустройства, «холодно развертывающаяся необходимость дела» (Гегель, с.4). В силу именно такой логики мы одеваемся, обставляем квартиру, засаживаем и обихаживаем сад. После того, как первые шаги сделаны, некая основа заложена, она начинает «требовать» чего-то еще, причем, вполне определенного. Причем, в начальный момент деятельности мы ощущали себя свободными, делали «что хотели». Возможна и ситуация, в которой улучшение чего-либо вызывает ухудшение чего-то другого. В философии техники широко употребляется понятие технического противоречия, то есть противоречия между тенденциями изменения

характеристик функционирования элементов технического объекта, или совокупности технических объектов. Противоречие, как известно, требует разрешения. Эволюция техники в силу необходимости разрешения технических противоречий становится очевидной, заметной после промышленной революции, в результате которой мир техники превратился в целостную систему. С этого момента неясные и обобщенные стремления вроде «жить еще лучше» начали принимать совершенно конкретные формы: что именно нам нужно (тип, характеристики, условия функционирования и др.). В последние же десятилетия обнаружилась еще одна тенденция. «Внутренняя логика» развития техники открывает новые возможности, а затем уже «под них» создаются потребности. Х.Ленк констатирует: «Часто только после обнаружения каких-то продуктов, процессов или процедур в ходе систематического поиска разрабатывается их применение или открывается, создается или даже навязывается новая «потребность», которая может быть удовлетворена только с помощью уже имеющего место технического достижения. В таких случаях техническое решение или изобретение предшествует потребности или проблеме, требующей разрешения» [4, с.987]. В результате появляются вещи, о возможности которых еще вчера большинство даже не подозревало. Сегодня же они воспринимаются как нечто совершенно необходимое, без чего вообще невозможно жить (вроде сотового телефона). Итак, задание есть, но пока оно – черный ящик. Его нужно заполнить, создав проект.

В мире литературы задания нетипичны, хотя иногда было и такое. Например, «партия и правительство» обращаются к именитому писателю с пожеланием «осветить» какую-либо актуальную тему. Но, как правило, роль технического задания в литературе играет *замысел*. Почему он именно таков? Посмотрим на факторы, рассмотренные выше. Природный фактор здесь почти неразличим, хотя совершенно отрицать его наличие не стоит. К примеру, трудно ожидать от африканского и даже итальянского писателя рассказа «Метель». Социальный фактор тоже присутствует. У общества всегда что-то болит, и эти «болячки» отражаются в замыслах литературных произведений. Но и здесь социальные проблемы определяют по преимуществу некие общие течения, например, расцвет производственной тематики в советской литературе. Возможно даже, что здесь социальный заказ яснее и конкретнее, чем в технике. Достаточно вспомнить хотя бы поток остро критических произведений о советском прошлом на рубеже восьмидесятых – девяностых годов.

«Логика обустройства» выражена совершенно явно. Писатель, переходя от одного произведения к другому, реализует себя как индивидуальность и личность. Не случайно литературоведение всегда обращалось к биографиям и личностным характеристикам писателей, и «смерть автора» не перекрывает этой линии. Традиционно считается, что нельзя убедительно написать о том, чего ты не пережил лично. Разумеется, соблюдается это

правило не всегда, но достаточно часто. Русские классики, писавшие о том, как помещики угнетают крестьян, были помещиками, известные современные авторы «остросюжетных» романов, работали в милиции – полиции и др. К логике обустройства относится и внутрилитературная ситуация – взаимоотношения творческих личностей и групп, более или менее общие увлечения проблематикой, идеями, стилевыми находками. Иногда толчком к становлению замысла становится нечто почти случайное, напоминающее мифы науки. Д.И.Менделеев (вроде бы) увидел периодическую таблицу во сне, а Л.Н. Толстой вдруг вообразил (почти увидел) некую женщину, о которой ему захотелось написать – будущую Анну Каренину. И вот замысел есть. Остается «только» написать.

Вернемся, однако, к инженеру, приступившему к разработке проекта. Он «обращается к науке» в том случае, если задание нетривиально, типичные решения не дают возможности его выполнить. Но не сразу. Путь от базовой естественной науки к техническому объекту опосредован техническими науками. Если собрать воедино технические дисциплины, относящиеся к одной предметной области, и мысленно расположить их по уровням общности и абстрактности используемых идеальных объектов, образуется своеобразная «лестница», опосредствующая связь между предельной абстрактностью родственной им естественной науки и конкретностью технических средств, применяемых в практической деятельности. Но ней и движется субъект от абстракций к реальности.

Существо теоретических концепций, самая суть рационального знания в сжатом и концентрированном виде выражается в научных понятиях. Согласно И. Канту, «чистые рассудочные понятия совершенно *н е о д н о р о д н ы* с эмпирическими (и вообще чувственными) созерцаниями, и их никогда нельзя встретить ни в одном созерцании. Отсюда возникает вопрос, как возможно *п о д в е д е н и е* созерцаний под чисто рассудочные понятия, т.е. применение категорий к явлениям?» [3, с.220–221]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что понятия все же не вполне свободны от чувственности, поскольку они обременены схемами. Схема по Канту есть продукт воображения, но ее следует отличать от образа. Скажем, пять точек могут послужить образом, числа пять. «Если же я мыслю только число вообще,... то такое мышление есть скорее представление о методе (каким представляют в одном образе множество, например тысячу) сообразно некоторому понятию, чем сам этот образ, который в последнем случае, когда я мыслю тысячу, вряд ли могу обозреть и сравнить с понятием. Это представление об общем способе, каким воображение доставляет понятию образ, я называю схемой этого понятия» [3, с. 222 – 223]. Схема не есть нечто лишь, возможное, она необходима, поскольку «категории без схем суть лишь функции рассудка, необходимые для понятий, но не представляющие никакого предмета. Свое значение они получают от чувственности, которая придает реальность

понятиям рассудка,... в то же время ограничивая его» [3, С. 227].

Схемы в их точном кантовском значении явно «просматриваются» в определениях и разъяснениях научных понятий, содержащихся в справочной литературе. К примеру, понятие «электропроводность» в Физической энциклопедии словаре определяется как способность вещества пропускать электрический ток под воздействием электрического поля, разъясняется, что плотность электрического тока определяется законом Ома и т.д. Читающему это определение и разъяснения сразу представляется вполне определенный способ чувственного выражения понятия электропроводности: надо соединить в замкнутую цепь источник тока и проводник, тогда и проявится свойство, выраженное в понятии электропроводности. [7, с. 589].

Определения естественнонаучных понятий фиксируют как правило наиболее типичный вариант схематизации, нередко связанный с теми экспериментальными процедурами, на которых строилось соответствующее теоретическое исследование. В схеме заложена принципиальная возможность технической идеи: каким образом свойство, зафиксированное в понятии, может быть использовано практически, – в самых общих чертах. Но инженеру нужен другой вариант схематизации, отличающийся от первоначального, поскольку условия проектной задачи, как правило, отличаются более или менее существенно от тех, с которыми была связана первичная научная схематизация фиксируемых в определениях понятий.

В процессе проектирования технического средства знание, выраженное в абстрактно-логической форме, проходя ряд этапов схематизации, трансформируется в наглядный образ. В технических науках разных уровней общности, на каждой ступени, отделяющей теоретическую идею базовой фундаментальной науки от будущего технического средства имеются идеальные объекты, адекватные идеальному объекту естественнонаучной теории. Затем идеальный объект низшей ступени абстрактности (скажем, принципиальная электронная схема) трансформируется в технические документы, по которым изделие может быть изготовлено, а именно в ту часть технической документации, которая составляет описание изделия. На основе описания технического средства разрабатывается вторая составляющая технической документации – совокупность предписаний к деятельности.

Технический объект, являющийся конечным результатом процесса проектирования, как и любой природный объект, представляет собой единичную вещь. Но в отличие от природного объекта, он несет в себе всеобщее содержание. Природные объекты обладают бесконечным множеством свойств. Познавая их в ходе научного поиска, субъект абстрагируется от случайного и в форме законов выражает наиболее существенное и необходимое. При этом реальный природный объект заменяется идеальным объектом.

Преобразуя научное знание в процессе проектирования, субъект выражает это знание в чувственно-наглядной форме. Затем в практической деятельности с этим объектом знание, превратившись в орудие изменения действительности, соотносится с ней. Превращаясь в основание практики, знание сохраняет свое всеобщее содержание. Решение технической задачи продолжает движение к истине, начатое, но не завершённое в рамках естествознания. Технический объект несет в себе истину, представленную в чувственной форме, объединяет всеобщность с непосредственной действительностью. В процессе его применения знание действительно соотносится с действительностью как ключ с замком. «Техника, - писал Мм Хайдеггер, есть вид раскрытия потаенного, ... область выведения из потаенности, осуществления истины... «Техне» есть вид истинствования» [5, с. 50].

Писатель, как и инженер-проектировщик, не стремится к реализации идей гуманитарного знания как к самоцели, а создает произведение. Он «обращается к науке» в нескольких достаточно типичных ситуациях. 1). Идея «носится в воздухе», как это было, например, с революционной идеей, когда «призрак коммунизма» бродил по Европе. 2). Идея является модной в писательской среде. Скажем, поток описаний природы в русской классической литературе был (в числе прочего) вызван популярностью философии объективного идеализма, согласно которой природа и человек – формы бытия абсолюта. Поскольку же двух абсолютов быть не может, получается, что природа и человек «созвучны» друг другу. Соответственно, природа начала откликаться на чувства и мысли человека. 3). Идея захватывает автора и помогает ему что-то понять во внутреннем мире человека и его поведении. В этом аспекте просто поразительно сродство этического учения И.Канта и этической же проблематики в творчестве Ф.М.Достоевского. Возможно, наконец, и присутствие всех перечисленных факторов.

Переход от гуманитарного знания к художественному образу, фабуле и сюжету художественного произведения не предполагает пути по лестнице идеальных объектов. Во-первых, гуманитарное знание, хотя и оперирует таковыми (например, не конкретный индивид, а усредненный «представитель» группы), все же не доходит до таких «крайностей» как точечная масса, абсолютно черное тело и т.п. Оно остается в сфере человеческого бытия. Во-вторых, оно, как правило, не формализовано, так что писатель вполне способен его осмыслить без чрезмерно трудной специальной подготовки. Тем не менее, характер его преобразования аналогичен преобразованию естественнонаучного знания в ходе инженерного проектирования. Идеи гуманитарных наук извлечены, в конечном счете, из реальных жизненных ситуаций, которые в них так или иначе схематизированы. «Встраиваясь» в сюжет художественного произведения, они схематизируются иначе, обретают при этом новые оттенки, доводятся до предельной

остроты, начинают иначе восприниматься. Скажем, теория разумного эгоизма в общем виде выглядит достаточно привлекательно. Ф.М.Достоевский накладывает ее на высказывания и поступки одного из героев, при этом ее привлекательность совершенно теряется. «Всякую мысль он (Ф.М. Достоевский – Д.Ф.) воспринимает и изображает как позицию личности» [1, с. 13]. Основная идея этики И.Канта заключается в том, что к человеку следует относиться как к цели, а не как к средству. Но о каком именно человеке идет речь? По И.Канту это и Я, и всякий другой, а в совокупности – человечество. Но все же кто или что должны быть на первом месте: человек или человечество? Вопрос вполне резонный. Ф.М.Достоевский придает ему крайнюю форму: на одной чаше весов счастье человечества, на другой – единственный ребенок. Допустимо ли пожертвовать вторым ради первого? Оказывается, что идея человека – цели порождает ряд новых проблем.

Согласно А.Шопенгауэру, счастье человека всегда в прошлом или в будущем. Настоящее не воспринимается как счастливое. И.А.Бунин выбирает прошлое и доводит эту идею до пронзительно-конкретной остроты. Все сюжеты его «Темных аллей» – воспоминания. Герой в свое время не понимал, что переживаемый им любовный эпизод – его жизненная вершина. Много после это становится понятным.

Случается и «предвосхищение» литературой идей гуманитарной науки. Общеизвестно, к примеру, что Достоевский предвосхитил основные идеи философии экзистенциализма. Но едва ли этот термин адекватно отражает суть дела. Заключается же эта суть в том, что экзистенциализм как течение профессиональной философии сам в высшей степени литературен, представляет собой рефлексии не только на собственно жизнь, но и на жизнь в ее литературном изображении, точнее, на ее изображении в «рефлексирующей» литературе, которая обращается, прежде всего, к внутреннему миру героев, к их мыслям и чувствам. Поскольку у Достоевского эта линия обрела предельное выражение, то в литературно инициированной философии экзистенциализма узнается, прежде всего, Достоевский.

Если литературное произведение, аналогично техническому средству, являет собой общее, доведенное до конкретной единичности, а в этом смысле является «ключом», то где же замок, который должен открыться? Скорее всего, это читательская аудитория, внимание которой оно призвано завоевать. Правда, на протяжении всей длинной истории искусства и литературы не раз оживала идея, согласно которой толпа не имеет права судить художника. Тем не менее, тем писатель пишет именно для читателя, а не знатока-исследователя. Мнение профессиональной критики ценится высоко, но едва ли писатель будет удовлетворен, если его произведения оценят только специалисты, а так называемый «широкий читатель» останется к ним равнодушным. Если писатель не знает читателя, то виноват в этом писатель, а не читатель – считал Илья Ильф. Таким образом и в мире

литературы акты истинствования находят свое завершение. Произведение оказывается ключом к душе читателя.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.– 464 с.
2. Гегель Г. Феноменология духа. Соч. В 14-ти томах. М.: Изд-во соч.- эконом. лит., 1959. – Т.4. - 440 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. Соч. В 6-ти томах. М.: Мысль, 1964. – Т.3. - 564 с.
4. Ленк Х. Техника // Глобалистика. Энциклопедия. М.: «Радуга», 2003. – С. 986 – 990.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 45 – 66.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. – С. 31 – 44.
7. Эпштейн Э.М. Электропроводность // Физическая энциклопедия. В 6-ти т. Т.5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 589 – 590.

Рецензенты:

Денисов С.Ф., д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г.Омск.

Горнова Г.В., д.филол.н., профессор кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.